

УДК 821.161.1-1

КОНЦЕПЦИЯ СЛОВА Н. С. ГУМИЛЕВА В КОНТЕКСТЕ СИМВОЛИСТСКОЙ И АКМЕИСТСКОЙ ОНТОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ ТВОРЧЕСТВА

Л. Г. Кихней¹, Е. В. Меркель²

¹Институт международного права и экономики им. А. С. Грибоедова
кафедра истории журналистики и литературы

²Технический институт (филиал) Северо-Восточного федерального университета
им. М. К. Аммосова
кафедра русской филологии

Статья посвящается анализу представлений о слове в акмеизме в сравнении с аналогичными представлениями в эстетике символизма. В частности, доказыва-ется, что концепция Слова-Логоса, обоснованная Н. С. Гумилевым в его стихо-творении «Слово», обеспечивает единство творческих установок и дискурсив-ных практик поэтов, принадлежащих к акмеизму.

Ключевые слова: *Слово-Логос, символисты, акмеисты, философия творчест-ва, онтология, художественная практика, поэтика*

Ключевым моментом в акмеистской «философии слова» является тезис, вы-текающий из их картины мира, о сопричастности нашего бренного слова к Боже-ственному Логосу. Слово в Евангелии от Иоанна трактуется как одна из ипостасей Бога, существовавшая изначально: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Ин. 1, 1). Слово дается как абсолютный творческий принцип, источник и причина всякого бытия («Все через Него начало быть» /Ин. 1, 3/), и само одухотворенное бытие («В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков» /Ин. 1, 4/). И наконец, Слово осмысляется как потенция божественного воплоще-ния, во-человечения: «Слово стало плотью и обитало с нами, полное благодати и истины; и мы видели славу Его, славу как едиnorodного от Отца» (Ин. 1, 14). Если весь тварный мир создан Словом–Логосом, через Него и в Нем, тогда слово, полагают акмеисты, закономерно выходит в сферу онтологии, обретает самостоятель-ный бытийственный статус.

Суждения Н. С. Гумилева на эту тему сохранила дневниковая запись А. А. Блока (очевидно, по впечатлениям от поэтического вечера в Клубе поэтов 21 октября 1920 года): «По Гумилеву – рационально все (и любовь, и влюбленность в том числе), иррациональное лежит только в языке, в его корнях, невыразимое. (В начале было Слово, из Слова возникли мысли, слова, уже непохожие на Слово, но имеющие, однако источником Его; и все кончится Словом – все исчезнет, останет-ся одно Оно» [1, т. 7, с. 371].

Но при подобной трактовке слова возникает проблема ипостазирования слова: перехода от гиератического Слова к обычной речи. Связаны ли слова, кото-рыми мы пользуемся, с Божественным Логосом? Если связаны, то как? Если не связаны, то почему?

Один из ответов на этот вопрос – стихотворение Гумилева «Слово» (1921). На основе библейской трактовки слова Гумилев творит собственную историософ-скую мифологию, причем он не отталкивается от евангельской цитаты, а наобо-рот идет к ней. Семантическая структура стихотворения распадается на две проти-

вопоставленные друг другу части. С первой по четвертую строфу описывается бытование слова в древнюю эпоху. В двух последних строфах рассматривается слово современности.

В древности, когда Божественные энергии более непосредственно нисходили в мир, слово обладало магической силой, первообразной мощью. Используя эпизод из библейского повествования об Иисусе Навине (ср.: Иисуса Навина, 10: 12–13), Гумилев рисует картину поистине огромной власти слова над миром: «В оный день, когда над миром новым // Бог склонял лицо Свое, тогда // Солнце останавливали словом, // Словом разрушали города» [2, т. 1, с. 291].

Причем в авторской интерпретации древнее слово поворачивается разными гранями. В первой строфе слово изображается в аспекте его всевластия и магической мощи. Во второй строфе – делается акцент на «отдельности» его гипостазированного бытия, слово показано как самостоятельное существо, сопряженное стихии огня: «И орел не взмахивал крылами, // Звезды жалась в ужасе к луне, // Если, точно розовое пламя, // Слово проплывало в вышине» [2, т. 1, с. 291].

В третьей и четвертой строфах слову противопоставляется число как профанное начало сакральному, тем самым подчеркивается табуированность и священность слова, недопустимость фамильярного, чисто утилитарного обращения с ним. Все эти формы бытования слова выдержаны в одном регистре. Хотя слово, «проплывающее в вышине», и «слово патриарха» представляют его разные «ипостаси», но обе они сосуществуют в одном обозримом пространстве.

Во второй части стихотворения воплощается мысль о потенциальной сакральности слова внутри «падшего» мира. Слово ипостазировано: его современное состояние противопоставляется, во-первых, той роли, которое оно играло в древности, во-вторых, надмирному, сверхчувственному Слову Бога, не воспринимаемому людьми: «Но забыли мы, что осияно // Только слово средь земных тревог // И в Евангелии от Иоанна // Сказано, что Слово – это Бог» [2, т. 1, с. 291].

Мысль поэта внутренне антиномична. С одной стороны, здесь говорится о высшей аксиологической значимости слова среди «земных тревог», но, с другой стороны, о том, что современные люди забыли о его божественной природе. Вводя в текст цитату из Иоанна Богослова, автор как бы возвращается к начальной теме, только теперь вместо сакрально-магического статуса, которое слово имело в древности, дается его высшее священство – в тождестве с Богом.

В шестой строфе вводится еще один семантический контраст с первой частью стихотворения. Табуированности слова, его потенциальной силе воздействия на мир противопоставляется утилитарное обращение со словом в современном мире, стремление «вогнать» его в «скудные пределы естества». Под этим автор подразумевает отнятие у слова способности выражать священную (логосную) суть вещей, превращение его в простой ярлык. И как итог этого – умирание слова, которое автор печально констатирует в финале стихотворения.

Подводя итоги нашему разбору, можно отметить, что в стихотворении прослеживается четкий контрапункт первой и второй частей – как противопоставление бытования слова в древнем мире и в современном. Это противопоставление конкретизируется в трех смысловых парах: внутримирская сакральность слова в древности – его секуляризация в нынешней деградирующей жизни; гипостазированное бытие слова на верхнем (но тем не менее зримом) ярусе древнего мира – полное забвение людьми нового времени священства слова, его тождества с Богом; бережное обращение со словом в архаическую эпоху, забота о его неотягощенности «телесностью» низкой жизни – умерщвление слова через утилитарное

его использование в современности. В финале гумилевского «Слова» имплицитно сформулирована задача, актуальная для акмеистической стратегии и художественной практики: как вернуть слову первообразную мощь и животворящую силу?

Если гумилевское «Слово» сопоставить со стихотворением А. А. Блока «Художник», то в последнем тексте, на первый взгляд, идет возвеличивание сакральных сущностей, а процесс рождения *здесь* слова трактуется как их уничтожение. У О. Э. Мандельштама в стихотворении «Я слово позабыл, что я хотел сказать...» – наоборот: рождение слова интерпретируется как жизнотворческий акт, отсюда мука его неосуществимости, ускользания, растворения в подсознании. Здесь явно проступают различия в понимании целей творчества и самого творческого акта в символизме и акмеизме. Знаменательно, что у Блока речь идет не о повседневном, обывовленном употреблении слова, а о слове искусства, слове художественном.

Фактически, если в «Слове» Гумилева разворачивается рассказ о деградации слова в человеческой истории при утрате им священной значимости, то у Блока такая деградация представлена в каждом творческом акте («поэзия – дело светское»). Отсюда у поэта-символиста две функции: либо он – Бог, творящий мир из себя (случай Ф. Сологуба и В. Я. Брюсова), либо – если поэт-символист признает существование трансцендентных ценностей, – он оказывается их убийцей, воплощающим невоплотимое (случай А. А. Блока и А. Белого).

Акмеисты же, заведомо отказавшись от постижения запредельных сущностей, сохраняют определенную уверенность в священстве словесного творчества. Не случайно в стихотворении «Ласточка» лирический герой сокрушается о нерожденном слове как о невыполнении функции поэта («...слово позабыл, что... хотел сказать...») [6, т. 1, с. 130] – значит, не справился с миссией, возложенной на него).

А. А. Блок в статье «Без божества, без вдохновенья» [1, т. 6, с. 174–184], нападая на Н. С. Гумилева, подспудно упрекает акмеистов в сальеризме, ибо исток поэтического творчества, по его убеждению, вдохновенье, ниспосланное свыше. Фактически, в статье намечается разрыв между гностицизмом Блока, который повседневной мирской скуке противопоставляет мгновения экстаза, сверкания «миров иных» – и с другой стороны, совершенно невоспринимаемый и не принимаемый Блоком «традиционалистский» взгляд акмеистов на поэзию как на «освященное» ремесло.

Заметим, что синкретизм ремесленного и сакрального восходит к средневековому мироощущению. В том же направлении поначалу шел и Вяч. В. Иванов (см. его статью «О веселом ремесле и умном веселии» [5, с. 60–72]). Но у Иванова, к сожалению, возобладал ницшеанский пафос погружения в стихию и извлечения высоких смыслов священства из стихии. У Мандельштама же, напротив, безъязыкая (музыкальная) стихия граничит с небытием и внушает страх (ср.: «Я так боюсь рыданья Аонид...») [6, т. 1, с. 131]).

У Гумилева деградация слова не ассоциируется с убийством его в творческом акте, не есть убийство и его воплощение духа музыки, а есть просто забвенье о сакральной природе Логоса как источника смыслов. Но зададимся вопросом: что такое неоформленная стихия бытия в понимании поэтов Серебряного века? Либо это родовое лоно жизни, либо нечто, граничащее с библейским хаосом, небытием, обретающим смыслы только по мере насыщения его потенциями Логоса. Здесь возможны разные импликации, в том числе и политические. Так, скифы для Блока – это жизненная сила, хранящая дух музыки, а для Гумилева и Мандельштама –

хаос мертвенный, «гиперборейская чума». Отсюда установка акмеистов на все формы культурного обживания, одомашнивания воспринимаются в контексте противостояния хаосу.

Как и в древних мифологиях, для акмеистов сотворение мира из безвидной пустой тьмы, «из ничего» был первый культурно-творческий акт. В этом смысле художник – подражает Творцу, создавая свои словесные миры. И здесь мы сталкиваемся не только с библейской традицией, но и с мета-мифологической: во многих древних мифологиях в сюжетной последовательности выстраивается сотворение мира и созидание культурных ценностей в результате деятельности космотворцев и активности культурных героев. Здесь можно вспомнить, в частности, о Прометее – союзнике Зевса в борьбе с титанами, преодолевающим хаос и созидующем человеческую культуру, или о герое шумерской мифологии боге Энки, учителя и советчика людей [7]. Не случайно Вяч. В. Иванов соотносит незавершенную «Поэму начала» Н. С. Гумилева, посвященную тайнам мира (выпытываемым – в конечном итоге – с помощью сакрального слова), с шумерским космогоническим эпосом «Энума Элиш» («Когда вверху» в переводе В. К. Шилейко) [4, с. 29–30].

В «Поэме начала» [3, с. 124–132] Гумилев продолжает поэтическую разработку идеи «первослова», содержащего в себе все эонические потенции творимого мира в его последующем развертывании во времени. В процессе поэтического воплощения этой идеи он выявляет мифологические проекции слова на восточные таинства и ритуалы (магическое слово «Ом»), на Евангелические представления Слова-Логоса как ипостаси Бога (проявленные в Поэме в мотиве сакрального слова как «нисхождения божества»); на античные (сюжет «Поэмы начала» восходит к «видению» Гермеса Трисмегиста [3, с. 337]), в том числе, пифагорейские представления (ср. с «начертанием» «таинственных знаков-чисел» на песке) и, наконец, на средневеково-мистериальные мотивы поисков заветного, утерянного слова, символом которого была «чаша Грааля», (ср. с образом «чаши священной для вина первоначальных сил»).

Таким образом, если у акмеистов при сотворении словесных миров преобладают демиургические тенденции, (вспомним мандельштамовское определение произведения искусства «чудовищно-уплотненной реальности», материалом для создания которой служит «слово как таковое» [6, т. 2, с. 144]), то у символистов мы наблюдаем гностические установки, проявляющиеся в разрыве между плотью и духом, миром и Богом, здешним и потусторонним. Фактически, у символистов мы наблюдаем либо сотворение миров из своего сознания, либо традиционные метания от декаданса к общественности, как панацеи от сатанизма. Отсюда представление о реальном мире как о мире не сущем, мире мнимостей, отсюда и желание «мирового пожара», который должен этот мир изменить.

Для акмеистов важна ценностная укорененность мира в Логосе, в Слове. Как ни странно, на взгляд акмеистов, символисты не выполнили тех задач, которые они перед собой ставили, остановившись на полпути и не реализовав заявленные теоретические тезисы, касающиеся концепции слова. Провозгласив «принцип соответствий» горнего и дольного миров, они, по мнению младших собратьев по перу, не сумели эти соответствия «доказать», увлекшись конвенциональными ассоциациями, восходящими к тем или иным философским концептам (в частности, к соловьевским идеям). Таким образом, символисты не выполнили задачу *теургического претворения* слова. «Символисты – просто аферисты, – жаловался Гумилев. – Взяли гирию, написали на ней 10 пудов, но выдолбили середину, швыряют гирию и так, и сяк, а она пустая» [8, с. 462].

Именно в контексте полемики с символизмом становится понятным предложение акмеистов заменить принцип «соответствий» принципом «тождества». Так, для Мандельштама концептуально значимым становится момент тождественности вещи и слова, воплощения сущностных характеристик бытия в слове, а, следовательно, одним из главных в его творчестве становится мотив *материализации* до-звукового, до-речевого *образа*. Эту идею разделял и Гумилев, по представлениям которого, поэтическая заслуга Т. Готье заключалась в том, что он сумел образно выразить невыразимое, опровергнув тем самым мнение Ф. И. Тютчева (которого придерживались символисты), что «мысль изреченная есть ложь» [2, т. 3, с. 311]. «Чувство действительности у Готье, – подчеркивает автор, – устремилось не на усиление ощущения реального, а на материализацию абстрактного» [2, т. 3, с. 312].

В таком случае искусство понимается как строительство, но строительство особого рода: слово-сырец в контексте произведения преобразуется, обретая самостоятельное бытие и уподобляясь тем самым сакральному *сверх-слову*.

Мощные потенции акмеистического слова наиболее полно реализовались в постреволюционной практике акмеистов – в период, когда слово становится едва ли не единственным средством борьбы с социальным хаосом и энтропией бытия. По сути дела, в поздней поэтике акмеизма воплощается концепция *эонического* слова, содержащего в себе весть о прошлом, будущем и настоящем. Именно о таком слове, обладающем магическими и пророческими потенциями, мечтали в 1900–1910-е годы символисты. В итоге акмеисты воплотили на практике теургические идеи, провозглашенные некогда символистами в теории.

Список литературы

1. Блок А. А. Собрание сочинений: В 8 т. М.: ГИХЛ, 1960–1963. Т. 6: Проза. 1918–1921. 1963. 556 с. Т. 7: Автобиография. 1915. Дневники 1901–1921. 1962. 543 с.
2. Гумилев Н. С. Сочинения: В 3 т. М.: Худож. литература, 1991. Т. 1: Стихотворения. 590 с. Т. 3: Письма о русской поэзии. 430 с.
3. Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений: В 10 т. Т. 4. М.: Воскресенье, 2001. 393 с.
4. Гумилев Н. С. Стихи. Письма о русской поэзии. М.: Худож. литература, 1990. 448 с.
5. Иванов Вяч. В. Родное и вселенское. М.: Республика, 1994. 428 с.
6. Мандельштам О. Э. Сочинения: В 2 т. М.: Худож. литература, 1990. Т. 1: Стихотворения. 640 с. Т. 2: Проза. 464 с. С. 144.
7. Мелетинский Е. М. Поэтика Мифа. М.: Наука, 2000. 407 с.
8. Чуковский К. И. Современники. М.: Молодая гвардия, 1962. 704 с.

**THE CONCEPT N. GUMILEV'S OF WORD IN THE CONTEXT
OF SYMBOLIST AND ACMEISTS ONTOLOGY AND PHILOSOPHY OF ART**

L. Kikhney¹, E. V. Merkel²

¹Institute of international sale and economy A. S. Griboedov

The department of history of journalism and literature

²Technology Institute (branch) of M. Ammosov North-Eastern Federal University

The department of Russian Philology

The article is devoted to the analysis of the word's representations in acmeism in comparison with similar ideas in the symbolist aesthetics. In particular, it is proved that the concept of the Word-Logos, explained by Gumilev in his poem «The Word» provides unity of creative paradigms and discursive practices of poets belonging to acmeism.

Key words: *Word-the Logos, symbolists, acmeists, philosophy of art, ontology, artistic practice, poetics*

Об авторах:

КИХНЕЙ Любовь Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры истории журналистики и литературы Института международного права и экономики им. А. С. Грибоедова (111024, Москва, шоссе Энтузиастов, д. 21), e-mail: lgkikhney@yandex.ru

МЕРКЕЛЬ Елена Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой русской филологии Технического института (филиал) «Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова» в г. Нерюнгри (678962, Республика Саха (Якутия), г. Нерюнгри, ул. Кравченко, д. 16), e-mail: merkel-e@yandex.ru